

Дело было вовсе не в том, что Жун Чэньцзюнь не желал брать кроху с собой на улицу. Малыш пока слишком смутно представлял себе окружающий мир. Должно было пройти какое-то время, прежде чем он решился бы вывести его в свет.

Иначе, если его случайно заметят посторонние, беды не миновать.

Квартира Жун Чэньцзюня площадью в двести квадратных метров располагалась в Восточном районе. Это были вполне добротные апартаменты в современном жилом комплексе с развитой инфраструктурой, недалеко от офиса. Окна выходили на солнечную сторону, открывая великолепный обзор.

Благодаря удачной планировке из панорамного окна гостиной отлично просматривался весь внутренний двор. Именно поэтому Жун Чэньцзюнь шёл не торопясь, хотя и не оборачивался.

Он точно знал: маленький Даньдань сейчас стоит у стекла и провожает его взглядом. Об этой милой привычке он узнал лишь пару дней назад, случайно просмотрев записи с домашних камер наблюдения.

Мысль о том, что дома его кто-то ждёт и провожает взглядом, согревала душу. По телу разливалось приятное, убаюкивающее тепло, стирающее повседневную усталость.

Жилой комплекс граничил с оживлённым деловым кварталом. Стоило выйти за ворота, как взгляду открывалась пестреющая вывесками торговая улица. Жун Чэньцзюнь заглянул в фирменный салон связи, выбрал флагманскую модель смартфона, а после недолгого раздумья прихватил ещё и обучающий детский планшет. Малыш ведь не знал грамоты, и такое устройство пришлось бы как нельзя кстати.

Восстановив сим-карту в офисе оператора, Жун Чэньцзюнь не стал сразу возвращаться домой. Он свернул в тихий, безлюдный переулок и вставил пластиковый чип в слот нового телефона.

Сделав глубокий вдох, он зажал кнопку питания.

Экран вспыхнул, и на дисплее тут же высветился длинный список пропущенных вызовов. От обилия ярко-красных уведомлений лицо Жун Чэньцзюня мгновенно потемнело.

Опершись спиной о холодную кирпичную стену, он замер в тягостном ожидании, зная, что следующий звонок не заставит себя ждать.

И действительно, не прошло и полминуты, как аппарат затрещал вновь. Жун Чэньцзюнь выдержал паузу, наблюдая за мигающим экраном, и лишь в самый последний момент, когда вызов почти сорвался, неторопливо принял вызов.

Он молчал. Прижав трубку к уху, он просто слушал — тот прекрасно знал, что собеседнику на том конце провода его ответы не нужны.

— Наконец-то соизволил трубку взять! Паршивец! Оперился, значит?! Забыл, сволочь, как я тебя с пелёнок выхаживала, как дерьмо за тобой убирала?! Думаешь, разбогател, так можно от семьи отмахнуться? Разбежался! Не выйдет!

Визгливый, базарный ор больно ударил по перепонкам. Жун Чэньцзюнь поморщился, но на лице его не отразилось ничего, кроме холодного терпения.

— Что вам нужно? — ледяным тоном спросил он.

— Что нужно?! Да у тебя совесть есть вообще, образина неблагодарная?! Родной брат к тебе приехал, а ты его даже на порог не пустил! Мало того — ещё и обругал по телефону! Господи, за какие грехи мне досталось это чудовище, этот волчара позорный?!

— Говорите по делу. Иначе я кладу трубку.

Эта семейка никак не могла уяснить одну простую истину: между ними больше нет абсолютно ничего общего. Закон разорвал все их связи.

— Повесить он вздумал! А ну попробуй! Только посмей — я завтра же заявлюсь к тебе в офис и устрою там такой цирк, вовек не отмоешься! — Голос на том конце сорвался на хрип. Женщина явно испугалась, что он действительно нажмёт отбой, и тут же перешла к сути: — Брат приехал к тебе за деньгами, так трудно было дать?! Мы тебя сколько лет кормили-поили, ни в чём отказа не знал! А тут родному брату копейку пожалел, ломаешься как девка!

— Во-первых, он мне не брат, и содержать его я не обязан.

— Во-вторых, алименты за этот месяц я уже перевёл. Пятьдесят тысяч, квитанция у меня на руках.

— В-третьих, когда вы меня «растили», я постоянно недоедал и ходил в обносках.

— Если вам нужны деньги — ждите следующего месяца. На этом всё, разговор окончен. И да, хотите устроить скандал в офисе? Попробуйте. Только учтите: тогда никаких выплат в следующем месяце вы не увидите вообще. Не говорите потом, что я вас не предупреждал.

Договорив, Жун Чэньцзюнь нажал кнопку отбоя.

Жун Чэньцзюнь никогда не считал себя святым, но закон чтил свято и зла никому не желал. И всё же в такие минуты у него в голове невольно вспыхивало леденящее желание

попросту стереть эту семейку с лица земли.

Люди твердят об изначальной порочности человеческой природы, но как можно быть настолько омерзительными? С лёгкостью забывать собственную гнусность и искренне негодовать, когда жертва отказывается и дальше терпеть издевательства.

Жун Чэньцзюнь долго стоял на одном месте, пытаясь унять внутреннюю дрожь. Наконец он достал купленную у дороги пачку сигарет, щёлкнул зажигалкой и принялся курить одну за другой, прячась в сизом, пахнущем горечью облаке дыма.

«Они сосут из меня кровь, словно упыри, — холодно размышлял Жун Чэньцзюнь, затягиваясь горьким дымом. — Неужели нельзя избавиться от них раз и навсегда? Эти вечные угрозы и скандалы в офисе уже поперек горла стоят»

Пока он прикидывал, под каким предлогом можно изящно подтолкнуть своего непутёвого «братца» к нарушению уголовного кодекса, в руке снова ожил телефон.

Поморщившись от досады, Жун Чэньцзюнь принял вызов, даже не взглянув на экран. Он поднёс трубку к уху, намереваясь выслушать очередную порцию грязи.

Но вместо истошного визга мачехи из динамика донёлся совсем другой голосок — тоненький, нежный и невероятно трогательный.

— Жун-жун, а ты скоро придёшь?

Ледяная ярость, сковавшая Жун Чэньцзюня изнутри, мгновенно испарилась, уступив место обволакивающему теплу.

— Я уже возвращаюсь, маленький. Даньдань соскучился? — Его голос потеплел настолько, что стал почти неузнаваем.

— Угу... Жун-жун, мне тут одному так скучно.

Жун Чэньцзюнь невольно улыбнулся, представив, как крошечный малыш устроился на диване перед огромным экраном смартфона, который казался ему размером с двуспальную кровать. От этой картины на душе стало непередаваемо легко.

— Скучаешь? Тогда открой WeChat. Помнишь зелёную иконку, которую я показывал тебе вчера? Сейчас я наберу тебя по видеосвязи, а ты просто нажми на зелёную кнопку.

И Даньдань послушно уткнулся. Жун Чэньцзюнь сбросил вызов и тут же отправил запрос на видеозвонок.

Экран ожил. Лицо Жун Чэньцзюня появилось на дисплее, заняв почти всю его площадь. Сам же малыш в кадр не попал: телефон лежал горизонтально на столе, а кроха сидел рядом, скрестив ножки, так что камера транслировала лишь белый простор потолка.

— Даньдanh, сиди смирно и ни в коем случае не подползай к объективу. Твоя голова или лапки не должны попасть в кадр, договорились? — предупредил Жун Чэньцзюнь, опасаясь, что крошечный эльф из любопытства залезет прямо на стекло.

— А я помню! Жун-жун же сам вчера учил меня, что камеру можно переключить! — похвастался своей сообразительностью малыш.

Раздался тихий щелчок, и изображение на экране Жун Чэньцзюня сменилось крошечной тьмой — Даньдanh переключил трансляцию на основную камеру, которая теперь утыкалась прямо в обивку дивана.

— Жун-жун у меня такой умный! — донёлся довольный лепет.

— Ну что, пойдём? — Жун Чэньцзюнь поспешно вставил в уши беспроводные наушники. — Сегодня я покажу тебе, как выглядит наш мир.

Для Даньдanh это было идеальным уроком краеведения. Рано или поздно ему придётся покинуть стены квартиры, и такая безопасная виртуальная прогулка подходила как нельзя лучше.

— Смотри, Даньдanh, это торговая улица, — негромко комментировал Жун Чэньцзюнь, направляя камеру на пёстрые витрины. — Здесь продают абсолютно всё: еду, одежду, игрушки. А вон тот магазин торгует телефонами — точь-в-точь такими же, как у тебя.

— О, гляди-ка сюда. Это шашлычки на углях. Хочешь попробовать?

— Хочу! — В трубке послышалось забавное слюнявое причмокивание. — Ням-ням...

— Тогда выбирай. Хочешь баранину? Или, может, куриные крылышки? Острые кольца кальмара? А как тебе вот эти хрящики на шпажках?

Жун Чэньцзюнь вошёл во вкус и заказал целую гору вкусностей. Расплатившись и попросив повара поторопиться, он не спеша пошёл дальше, продолжая транслировать городскую суету для своего маленького зрителя.

Для Даньдanh это было настоящим откровением. Одно дело — бездушные картинки по телевизору, и совсем другое — живой, бурлящий мир, который заботливо комментировал его Жун-жун.

Кроха пришёл в неопиcуемый восторг. Он без умолку трещал, направляя Жун Чэньцзюня то к одной лавке, то к другой, и засыпал его вопросами.

— Жун-жун, а это что за штука?

— Это уличный автомат с игрушками.

— А вон то круглое, яркое?

— Это витрина с кондитерскими изделиями, там продают пирожные.

Жун Чэньцзюнь сам не помнил, когда в последний раз вот так бесцельно бродил по городу. Подчиняясь весёлым командам из динамика, он обошёл едва ли не каждую витрину на этой улице.

Спустя сорок минут парень понял, что пора возвращаться. Бесчисленные пакеты с покупками уже оттягивали руки — продолжать прогулку в роли вьючного мула было физически невозможно.

Забрав шкворчащие, исходившие умопомрачительным ароматом шашлычки у уличного торговца, он навьючил на себя последние свёртки и зашагал обратно к жилому комплексу.

По дороге он окончательно укрепился в мысли: как только кроха освоится с правилами этого мира, он непременно выведет его погулять по-настоящему.

Стоило двери квартиры распахнуться, как Жун Чэньцзюня накрыло волной искренней, детской радости. Крошечный Даньдань пулей вылетел в прихожую и с громким влажным «чмок» впечатался прямо ему в левую щеку.

Жун Чэньцзюнь замер, боясь пошевелиться. В голове у него мгновенно зашумело.

— Даньдань... ты что, сейчас меня поцеловал? Правда? Самый настоящий поцелуй?! — пролепетал он, чувствуя, как земля уходит из-под ног от нахлынувшего счастья.

Маленький яичный дух смущённо пискнул и затрепетал крылышками, перелетая к нему на плечо. Он обхватил шею Жун Чэньцзюня крошечными ручками и нежно потёрся личиком о тёплую кожу.

— Жун-жун самый лучший! Я так сильно его люблю! — восторженно защебетал кроха. — По телевизору сказали, что если кого-то любишь, надо обнимать, целовать и поднимать высоко-высоко. Но Жун-жун слишком большой, я его поднять не могу... Поэтому буду просто обнимать и целовать!

Жун Чэньцзюнь почувствовал, как к глазам подступают слёзы. Откуда у него взялось это сокровище? Настоящий ангел во плоти! Сердце новоиспечённого «папаши» окончательно растаяло от нежности.

Ощукая ласковое прикосновение на своей шее, он стоял посреди прихожей, боясь сделать даже вдох, лишь бы не спугнуть это волшебное мгновение.

Лишь когда малыш наконец отпустил его, Жун Чэньцзюнь шумно выдохнул, понимая, что всё это время едва дышал от избытка чувств.

— Солнышко моё, ну как можно быть таким хорошим? А ну-ка, поцелуй па... — Слово «папа» едва не сорвалось с губ, но Жун Чэньцзюнь вовремя спохватился и исправился: — ...поцелуй меня ещё разок, а?

В глубине души он уже давно считал Даньданиа своим собственным сыном. И всё же парень понимал, что торопить события не стоит: кроха был разумным существом, а не бездушной куклой, и навязывать ему роль отца без его согласия было бы неправильно.

Маленький дух послушно спорхнул с плеча, перелетел на правую сторону и звучно чмокнул его во вторую щеку.

Жун Чэньцзюнь окончательно потерял связь с реальностью. Он застыл на месте, обвешанный пакетами, точно безвольная марионетка с перерезанными нитями. Душа его витала где-то в облаках.

Спустя добрую минуту он всё же заставил себя опуститься на грешную землю. Жун Чэньцзюню безумно хотелось коснуться горячей щеки рукой, но, увы, пальцы были намертво заняты ручками пакетов.

Он поспешно прошёл в гостиную, сгрузил всю ношу на журнальный столик, вытер ладони влажной салфеткой и лишь после этого благоговейно прижал ладонь к щеке.

«Надо же... Какое это, оказывается, непередаваемое чувство, — изумлённо подумал Жун Чэньцзюнь, нежно касаясь кожи. — Тёплое прикосновение крошечных губ, а сердце замирает, будто от лёгкого удара током»

Малыш, конечно, и не подозревал, какая буря бушевала в душе его покровителя. Заметив, что тот опять впал в ступор, он весело позвал:

— Жун-жун, очнись! Я хочу шашлычки!

Жун Чэньцзюнь смущённо отвёл руку от лица. На его бледных щеках выступил едва заметный румянец. С волосами, небрежно собранными сзади в короткий хвост, он сейчас выглядел

удивительно изящно — точно оживший портрет кисти старого мастера.

Впрочем, из-за колоссальной разницы в размерах маленький дух этой эстетики не оценил. Все его помыслы были безраздельно заняты ароматной горой еды на столе.

Покраснев, Жун Чэньцзюнь развязал шуршащий пакет и бережно протянул горячую шпажку к крошечному роту. Малыш откусил столь крохотный кусочек, что его невозможно было разглядеть невооружённым глазом, но тут же замер от неопишуемого гастрономического восторга.

<http://bllate.org/book/18224/1747988>